

А. В. КОРЧИНСКИЙ

ДИАЛЕКТИКА ВОЕННОГО МИФА ЕГОР ЛЕТОВ И (ПОСТ)СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ*

Статья посвящена роли мифа в структуре национальной памяти о Великой Отечественной войне, в частности, вопросу о конструктивном потенциале воспоминаний о прошлом для самосознания и самоидентификации последующих поколений. В качестве материала рассмотрен творческий проект Егора Летова (1964–2008) – русского поэта, рок-музыканта и художника, чьи тексты продолжают оказывать большое влияние как на искусство, так и на общественную мысль в России. Показано, как поэтическая работа с клише коллективной исторической памяти (о войне) может способствовать деконструкции политической мифологии, оставаясь при этом в горизонте общенационального военного мифа. Определены отличия (пост)советской политики памяти от мифопоэтических практик освоения прошлого, подобных летовской.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, коллективная память, политический миф, идеология, национальная идентичность, трагическая политика памяти.

Память о Великой Отечественной войне, имеющая огромное значение для национальной идентичности нескольких позднесоветских и постсоветских поколений, тесно связана с вопросом о природе современного (политического) мифа. Не вдаваясь в теоретические тонкости¹, коснемся нескольких аспектов проблемы.

Различные формы памяти описываются в науке не только с помощью терминов, подразумевающих ее непосредственную близость к событиям («воспоминание», «свидетельство» и др.). Не менее часто для анализа используются понятия, которые обозначают переживаемые участниками и их потомками последствия войны («опыт», «травма» и др.), или категории, связанные с производством культурных смыслов военного прошлого («символ», «миф» и проч.). При этом такие продукты исторического воображения, какими являются всякого рода политически окрашенные официальные и неофициальные нарративы памяти, могут противопоставляться как рассказам очевидцев, соотносимым с фактами, так и воображаемым конструкциям другого рода – репрезентациям «скорби», «утраты», «боли», которые по сравнению с усреднен-

*Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

¹ Отчасти они описаны в книге: Флад 2004.

ными представлениями маркируются как более значимые, серьёзные, глубокие, интимные и подлинные².

С другой стороны, если исходить из того, что важнейшей функцией коллективной памяти является формирование и поддержание социальной и/или национальной идентичности, то ее фактическая основа («окопная правда»)³, аффективное освоение прошлого⁴, а также интерпретация событий и переживаний могут быть рассмотрены как составляющие мифа в широком смысле этого слова⁵. Обладая нарративной связностью, такой миф может оформлять отдельные свидетельства (так как дает объяснение тому, что трудно объяснить, опираясь только на факты), аффекты (так как предлагает язык для их выражения), политические мифологемы и символы (так как обладает инструментами для расстановки акцентов, установления неочевидных связей между явлениями, подмен, умолчаний).

Кроме того, миф соотносится с исторической реальностью не столько на уровне семантики, сколько на уровне прагматики: важно не то, «как было на самом деле», а то, насколько тот или иной рассказ убедителен с точки зрения самоидентификации коллектива, его представлений о своем настоящем и будущем⁶. И хотя веру в миф могут колебать указания на недостоверность фактов, лежащих в его основании, или критика аргументов в его защиту (если речь идет об утверждениях, не подлежащих прямой проверке), миф представляет собой повествование, воспринимаемое соответствующей группой в качестве истинного⁷.

В этой перспективе миф как конститутивный элемент памяти представляет собой более сложный объект, чем просто пропагандистская или идеологическая конструкция, позволяющая политическому руководству манипулировать сознанием людей, внедряя соответствующее нормативное содержание через средства массовой информации и официальную культурную продукцию (литературу, кино, массовую песню и т.д.). Возникает целый ряд новых проблем, сама постановка которых меняет систему понятийных оппозиций, свойственных широко распространенной критике современного мифа.

² Многие исследователи считают, что в силу доминирования официального военного мифа в советской культуре из памяти были вытеснены не только значительные пласты воспоминаний о событиях войны (в частности, связанные со сталинским террором), но и почти все попытки «проработки травмы». См.: Кукулин 2005; Хапаева 2006; Копосов 2011.

³ Ушакин 2008.

⁴ Oushakine 2013.

⁵ Алейда Ассман не случайно связывает ведущую роль мифа в конструировании коллективной памяти именно с процессами производства национальной солидарности и самоидентификации общества: Ассман 2014. С. 38-42.

⁶ Там же. С. 38.

⁷ Флад 2004. С. 9; 44-66.

Помимо вопроса об истинном и ложном в мифе, по-иному ставится, например, вопрос о позиции его носителя: что означает находиться «внутри» и «извне» картины мира, определяемой мифом? Совпадают ли границы мифа с границами сообщества людей, разделяющих основные представления, диктуемые мифом, в особенности если речь идет не об убеждениях отдельных социальных групп, а о массовом, общенациональном понимании прошлого? Всегда ли приверженность субъекта точке зрения на то или иное историческое событие, совпадающей с официальной, сопряжена с идеологической заданностью его сознания?⁸ Обязательно ли отрицание той или иной пропагандистской версии прошлого означает выход за пределы мифа, на который опирается данная идеология?

В том, что касается (пост)советской мифологии войны как части политического проекта государства⁹, оказывается, что на основе бинарной логики, жестко противопоставляющей официальную память и неофициальную контрпамять, «нисходящие» и «восходящие» нарративы, зачастую очень трудно определить, находятся ли те или иные группы на стороне власти или противостоят ей, является ли недоверие к отдельным мифологемам свидетельством формирования альтернативных форм памяти¹⁰. Более того, в данном случае нелегко провести границу между индивидуальными версиями, социальной памятью групп¹¹ и массовыми представлениями, как стихийными, так и инспирированными политической пропагандой. Противостоит ли официозная героика победы – артикулируемому частью интеллигенции представлению о войне как о неизбежной травме, по сей день оказывающей деструктивное воздействие на состояние умов россиян? Не лежат ли эти противоположности в каком-то смысле в границах одного и того же мифа?

В связи с этим, интересно обратиться к материалу, в котором бы в одно и то же время присутствовали критические стратегии и репрезентировалось массовое сознание, а демифологизация сочеталась с производством мифов. Рок-поэзия – именно такая область, где при наличии социально-политически заостренных текстов и высоком уровне «обратной связи» с массовой аудиторией зачастую наблюдается значительное

⁸ А. Юрчак справедливо оспаривает широко распространенные исследовательские подходы, создающие упрощенный образ советского человека как безвольного существа, слепо следующего идеологическим схемам. См.: Юрчак 2014. С. 38-44.

⁹ Tumarkin 1994.

¹⁰ Сошлюсь на мнение М. Габовича о проблематичности «справедливой памяти» о войне для современного российского общества: Габович 2006.

¹¹ Д. Хапаева замечает, что память о войне в позднем СССР и постсоветской России по большому счету вообще не является «социальной памятью» в смысле М. Хальбвакса, поскольку формируется и воспроизводится не в рамках опыта отдельных сообществ, а охватывает всех и каждого и, следовательно, оказывается одновременно индивидуальной и массовой (Хапаева 2006. С. 90).

расхождение между смыслом авторского высказывания и качеством рецепции. Например, работы такого автора, как Егор Летов, сегодня зачастую контрастно воспринимаются разными людьми и группами: то как радикальное протестное искусство, направленное против любых государственных и общественных мифов, то как манифестация наиболее глубоких и устойчивых мифологем позднего СССР. И действительно, крайний ревизионизм Летова вполне сочетается с «переприсвоением»¹² советского политического дискурса, а весьма эзотерическая мифопоэтика может резонировать с самыми одиозными стереотипами.

Особенность летовского «милитарного текста»¹³ состоит в том, что, начиная с самых ранних стихов и песен, поэт работает не столько с событиями Великой Отечественной войны как таковыми, сколько с идиоматикой войны как важнейшей частью (пост)советского идеологического языка. Военные образы Летова в большинстве случаев заимствованы из фильмов, песен и литературы о войне¹⁴. В основном это общеизвестные и даже одиозные цитаты из массового кино и эстрадных песен, которые помещаются в новый контекст и резко переосмысляются либо сталкиваются с мотивами из контрастных культурных рядов. Например, Маленький Принц у Летова «ошибался, как Гитлер», а Винни Пух «шел войною прямо на Берлин». Его интересует массовая политическая и культурная память о войне, которая определяет ментальный горизонт¹⁵ человека позднего СССР. Его «военный текст» принципиально вторичен по отношению к «мифу основания», созданному в брежневские времена. Более того, сам миф о войне фигурирует в его работах не непосредственно, а как когнитивный и дискурсивный каркас тоталитарного социума, в котором всякое насилие заранее оправдано войной как ключевым событием истории.

Летова интересует, как образы прошлого участвуют в производстве настоящего. Работа с конструктивной функцией памяти видна, к примеру, в том, что Летов часто отсылает к художественной и пропагандистской продукции второй половины 1960-х – 1970-х гг., поднимающей проблему военной памяти как важнейшего фактора самоидентификации советского человека. В большинстве таких произведений (например, в повестях Б. Васильева и А. Рыбакова, фильмах С. Росточкиго, Л. Быкова, А. Смир-

¹² Кукулин 2001.

¹³ См. одно из первых и наиболее последовательных описаний «милитарных образов» в поэзии Летова: Моисеев 2005.

¹⁴ Корчинский 2014.

¹⁵ Данное понятие предложено историком Ю.Л. Троицким в развитие представлений исторической антропологии о формах ментальности. Оно позволяет различить парадигму возможных категорий коллективного сознания в данную эпоху и ее актуальные воплощения на уровне менталитета.

нова и написанных для них песнях) нравственная и социальная состоятельность жителей позднего СССР поверяется способностью глубоко переживать и сохранять память о героическом прошлом. То есть, по сути, это литература и кино, направленные на валоризацию и сакрализацию не только героев и их подвигов, но и самого дискурса о войне и победе.

Например, в песне «Здорово и вечно» с одноименного альбома «Гражданской обороны» (1989) переосмыслиется и встраивается в новый текст цитата из песни Р. Рождественского – М. Фрадкина «За того парня» (1970): «Обещает быть весна долгой / Ждет отборного зерна пашня / И живем мы на земле доброй / Но нас нет, нас нет, нас нет, НАС НЕТ!»¹⁶ Летов цитирует текст Рождественского не как мемориальную медитацию о войне, окрашенную ярким аффектом, а как чисто идеологическое высказывание, в котором и историческая война, и воспоминания о ней полностью стерты. При этом в обоих фильмах, в которых эта песня появилась в начале 1970-х гг. – «Минута молчания» И. Шатрова (1971) по сценарию А. Рыбакова и «В бой идут одни старики» Л. Быкова (1973), использована примерно одинаковая сюжетная конструкция: события происходят параллельно во время войны и в начале 1970-х. Потомки восстанавливают память о подвиге отцов. Об этом же говорится и в песне: «Что-то с памятью моей стало / Все, что было не со мной, помню...». Любопытно, что Летов воспроизводит фрагмент песни, меняя «я» на «мы» и отбрасывая последнюю строку цитируемой фразы: «И живу я на земле доброй / За себя и за того парня».

Получается, что «нас нет», характеризующее позднесоветский перестроечный мир (в песне упоминается телепрограмма «Прожектор перестройки»), где «в отважных головах распоряжаются плакаты», относится и к современникам автора, и к предкам, погибшим на войне. «Нас нет» – ни «меня», ни «того парня». Советская память о войне, обслуживающая идеологию, на деле оборачивается забвением войны, тем более что Летов цитирует эту песню в момент, когда ее смысл, еще вполне живой и человеческий в фильме Шатрова, уже выхолощен официозной эстрадой.

Летовский «милитарный текст» состоит из отсылки двух типов – во-первых, к произведениям об Октябрьской революции и Гражданской войне и, во-вторых, собственно к текстам о Великой Отечественной¹⁷. Важно отметить, что это полностью соответствует устройству национальной памяти

¹⁶ Летов, Судаков. Здорово и вечно... Песня принадлежит, по всей видимости, к тем текстам, которые Летов считал непригодными для «визуального восприятия», поэтому не публиковал в составе стихотворных сборников (см. о различии между песнями-стихами и песнями «на слух»: Летов 1997. С. 63).

¹⁷ Это уже отмечалось А.А. Моисеевым, но без связи с поэтикой исторической памяти у Летова: Моисеев 2005. С. 195.

1960–1970-х гг., поскольку, как известно, «миф основания» позднего СССР является двойным: советская идентичность куется как в бесконечно продолжающемся бою революции, так и на полях «священной войны»¹⁸. Например, по той же модели, что и цитата из песни Рождественского – Фрадкина, оформляется цитата из «Варшавянки», которая у Летова ассоциируется, разумеется, не с историей польского освободительного движения XIX века, а с советским революционным канонам: «Вихри враждебные веют над нами / Темные силы нас злобно гнетут / В бой роковой мы вступили с врагами / И это причина для всех оправданий» («Второй эшелон», 225)¹⁹. Таким образом, и в этом случае подлинный исторический контекст песни оказывается скрыт за позднейшими идеологическими наслоениями, функция которых – оправдание насилия государственной системы.

Из сказанного, однако, не следует, что обнаружение в современном языке опустошенных, но все еще действующих структур советского военного мифа сводится у Летова 1980-х гг. исключительно к анализу языка власти и критике идеологии. Несмотря на известную близость леговского проекта «Коммунизм» к эстетике московского концептуализма, в целом его стратегия весьма отлична, если не противоположна концептуалистской. «Метод Пригова» заключается в анатомировании и архивации форм и структур советского сознания изнутри этого сознания и без поиска какой-либо внешней ему позиции²⁰, без трансценденции. Легов же, с одной стороны, устремляется за пределы «зараженного логикой мира» (194), понимая, что это – движение к невозможному, по существу, чисто негативное. С другой стороны, он находит искомую внешнюю позицию внутри самого деконструируемого дискурса, обнаруживает трансцендентное в имманентном.

И тут ключевую роль играет именно переосмысление мифа о войне. Поскольку, как мы выяснили, в основе этого мифа, по Легову, лежит переживание, а, наоборот, забвение войны как реальной исторической трагедии, то отказ от милитаризма и насилия, транспонированных из во-

¹⁸ Как и в брежневском «двуглавом» военном мифе, у Летова, кажется, соблюден баланс между образами Гражданской и Отечественной войны с очевидным преобладанием значимости последней. Но в противоположность советской оптимистической романтизации первой из этих войн Легов в 1980-е подчеркивает чрезвычайную жестокость революционного террора (например, в песнях «Так закалялась сталь», «Красное знамя» и др.), а в 1990-е актуализирует субверсивный потенциал мотивов, отсылающих к Октябрю и Гражданской войне («Пой, революция!», «Еще немного»), стертый в позднесоветской версии мифа. Иногда эти два интертекстуальных ряда контаминируются («Новая патриотическая»).

¹⁹ Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, ссылки на тексты Летова даются по изданию: Легов 2011. В самом тексте статьи в скобках указывается название стихотворения / песни и страница.

²⁰ Юрчак 2012. С. 86-93.

енного прошлого в будничную жизнь «развитого социализма», вряд ли может помочь делу. В многочисленных интервью музыкант настойчиво отрывается от пацифизма и гуманистического оптимизма²¹. Напротив, он делает ставку на радикализацию мобилизующего потенциала военного мифа. Согласно этой логике, чтобы преодолеть миф, нужно не опровергнуть его, а истово в него уверовать, реализовать, воплотить в жизнь. Однако летовский «милитаризм» – это не культ насилия, широко представленный в современной рок-культуре. Не сводится он также к военной метафоре как удобному художественному средству для «описания экзистенциального опыта, не имеющего отношения к исторической войне»²². Это так уже хотя бы потому, что, как говорилось выше, летовская «военная метафора» не изобретена поэтом, а найдена «в готовом виде» в советском милитарном дискурсе, а значит, исторична, по крайней мере, как составляющая коллективной памяти позднего СССР.

Упомянутый «милитаризм», помимо прочего, заключается в сопротивлении навязываемой модели мироустройства. Советская система (как в социально-политическом, так и в эпистемологическом значении этого слова), построенная на военном насилии, введенном в норму, может быть разрушена только при условии полного самоотрицания человека: «На патриархальной свалке устаревших понятий / Использованных образов и вежливых слов / Покончив с собой, уничтожить весь мир» («Русское поле экспериментов», 248). Но летовские суицидальные образы не стоит воспринимать буквально. Негативность – это лишь вектор, направленный в невозможное, но призванный, прежде всего, привести субъекта в движение. «Метод Летова» состоит не столько в деконструкции языка и констатации неистинности сказанного на нем, сколько в трансформации самого «я»²³. Как показано в целом ряде текстов 1980-х гг., выйти за пределы системы позволяет «иллюзорность», заблуждение, глупость или безумие, а также, разумеется, смерть: «Внутри твоей тревоги притаился партизан... / Я иллюзорен со всех сторон» («Я иллюзорен», 185); «Сквозь меня проникают тайком / звуки взгляды ножи и пули... / Я летаю снаружи всех измерений» («Снаружи всех измерений», 265), «Солдат подумал, что я больной / Майор подумал, что я е... нулся / И все они решили, что я опасен / Ведь я не оставляю следов на свежем снегу» («Следы на снегу»²⁴); «Кто бы мне поверил, если б я был жив / Кто бы мне поверил, если б я

²¹ См., например: Летов 1997. С. 127-129.

²² Кукулин И. Регулирование боли. С. 649.

²³ Давыдов 2014.

²⁴ Летов. Следы на снегу...

был трезв / Кто бы мне поверил, если б я был прав / Кто бы мне поверил, если б я был умен» («Философская песня о пуле»)²⁵.

Л. Гудков отмечает, что советский военный миф, ставший конструктивным элементом современной социальности, превратил в норму чрезвычайность как модус существования человека (культ подвига, самопожертвования), фактически лишив культурного гражданства ценности мирной, обыденной, повседневной жизни, рассматриваемой в советских координатах как «мещанство», «пошлость», «обывательщина»²⁶. Летов замечает и диалектическое продолжение этой тенденции: само «экстраординарное» военное насилие в тоталитарном мире стало привычным, банальным. Приметы войны перечисляются у него наряду с деталями мирного быта, военные метафоры описывают агрессию и террор, скрытые в глубине повседневности: «Крысы раскладушки дома... / Танки паразиты чума...» («В стену головой», 226), «Тифозные бараки черепных коробок / Газовые камеры уютных жилищ» («Всё летит в п...у», 243). И его стратегия заключается не в реабилитации частного существования, но, напротив, в высвобождении и эскалации войны, латентно присутствующей в структуре мира. Война противопоставляется миру как праздник – будням: «Винтовка – это праздник» (226); «Холода, тревоги – праздники войны» («Дембельская», 436). Однако парадоксальным образом такой подход требует не сильной, а слабой позиции лирического субъекта. Летовский герой, даже именуясь «партизаном», «превосходным солдатом» и т.п., неизменно предстает как жертва (ср. песни 1988–1990 гг. «Харакири», «Кто сдохнет первым», «Суицид», «Бери шинель» и др.)²⁷. При этом «всемирность»²⁸ этого героя (это и рок-звезда, и социальный маргинал, и «человек толпы», и повстанец, и конформист) то и дело разрушает противопоставление своих и чужих, друзей и врагов, жертв и палачей. Жертвенная концепция войны («советский народ – жертва вероломного нападения») реформатируется, память о войне актуализируется в виде тотального насилия: «Люди сатанеют, умирают, превращаясь / В пушечное мясо, концентраты и нефть / В зловонные траншеи, пищевые отходы...» («Всё летит в п...у», 243).

Альтернативой официальной героике войны становится экстатическое перепроживание военной травмы: «Свято место не бывает в пустоте / Лишним телом заложили котлован... / Гнойным прахом напитали черноем... / Красным флагом утерев густые слезы...» («Солдатами не рож-

²⁵ Летов. Философская песня о пуле...

²⁶ Гудков 2005. С. 99.

²⁷ Корчинский 2016 (в печати).

²⁸ Ср. в более поздней (2003) песне: «И меня неизменно повсюду / несметное множество» («Нас много», 494).

даются», 205); «Задавите зевоту солдатским ремнем / Заразите полено бумажным огнем» («Хорошо!», 207); «Чтобы было лучше / Наденьте всем счастливым по терновому венку / Чтобы было проще / Свалите всех нас кучей в некий новый Бабий Яр» («Мимикрия», 210). В силу сопряженности революции и войны 1941–1945 гг. как двух начал советского военного мифа происходит прорыв к тому, что был призван скрыть «заградительный» культ победы – вытесненную на периферию культуры память о терроре: «Предательского дядю повели на расстрел / Хорошенькую тетю потащили в подвал / В товарные вагоны загружали народ... Историю вершили закаленным клинком / Историю крушили закаленным клинком / Историю кололи закаленным клинком / Виновную историю пустили в расход» («Так закалялась сталь», 212). Но Летов далек от оправдания советского народа на основе виктимного аргумента: «Мы все одобряем тоталитаризм / Мы все выделяем тоталитаризм» («Тоталитаризм», 200); «Без передышки – упираясь лицом / Молодые излишки под колесом / Угарным газом потянуло с полей / Всенародным указом становись веселей» («Хорошо!», 207); «Сапогом моего народа / Старшина тормозит г...но» («Государство», 215).

Уже из сказанного видно, что в 1980-е, которые в карьере Летова считаются периодом «анархии», трудно преуменьшить роль мифопоэтических компонентов в его мировоззрении и творчестве. Демифологизация оказывается диалектическим моментом сотворения мифа. Но является ли этот миф эзотерическим мифом поэта, альтернативным массовой мифологии памяти, отчасти стихийной, отчасти «перехваченной» или даже сформированной политически? Думается, и да, и нет. Безусловно, это индивидуальный миф, построенный на основе некоего глубинного архетипа. С одной стороны, военная образность (в ее протестно-боевой и виктимно-травматической ипостасях) работает у Летова на обоснование субкультурной идентичности маргинального сообщества, к которому поэт себя так или иначе относит: «Не надо нас пугать / Нам нечего терять... Пусть вводится военное положение... Да здравствует Гражданская Оборона» («Поганая молодежь»²⁹); «Вы нам не поверите / Вы нас прикарманите / Вы нас уничтожите / Вы нас испоганите... Вы нас не потерпите / Вы нас покараете...» («Джа на нашей стороне», 192); «Вас купили мясным куском / А нас зарыли сырым песком» («Перемена погоды», 214).

С другой стороны, именно возвращение историзма советскому военному мифу, выявление в нем травматического и даже катастрофического начал делает его в пределе общенациональным. Живой народный миф, по сравнению с которым государственная мифология – лишь видимая часть айсберга или просто мираж, обретает внутренне противоречивую

²⁹ Летов, Рябинов. Поганая молодежь...

целостность в воображении художника. Отсюда летовские картины все-ленской священной битвы и апокалиптические образы Родины, Революции и Победы в 1990-е гг. (советский военный миф ранее осмыслялся поэтом как «Армагеддон-попс» – ложный Апокалипсис³⁰).

Усиление и углубление мифологического начала действующего мифа приводит к пересмотру целого ряда оппозиций, лежащих в его основе. В частности, противопоставление истины и лжи (например, в популярном дискурсе «правды о войне») заменяется иной дистинкцией – различием подлинности и неподлинности. Летов вслед за экзистенциалистами утверждает, что перед лицом смерти человек «не врет». Но наиболее подходящим хронотопом для выявления «настоящего»³¹ является война: «Просто лишь когда человеку мрет / Лишь тогда он не врет... Иваново детство – дело прошлое / Шел веселый год войны» («Иваново детство», 273). Как показал И. Кукулин³², обращение к образу Великой Отечественной как критерию подлинности тех или иных переживаний свойственно ряду современных авторов (Е. Фанайлова, Л. Горалик и др.). Оно восходит к поэтическим практикам 1970-х гг., в частности, к Высоцкому, причем нередко – через посредство Летова. Осмелюсь предположить, что такая концептуализация военной памяти, хотя и дает импульс для формирования образа войны, альтернативного идеологии, все-таки принадлежит логике национального военного мифа, а не оппонирует ему. По крайней мере потому, что, как и официальная (пост) советская память, признает за войной исключительные права, продолжает осмыслять ее как историческое событие, оказывающее значительное влияние на сознание и опыт современных россиян. Военное прошлое – неизменный фон исторического воображения, который позволяет настоящему проявиться, ощутить себя «настоящим» (реальным, подлинным).

Трансформируется также оппозиция частного и публичного, которая часто рассматривается как ресурс (во многом теперь утраченный) для формирования версий военной памяти, альтернативных казенной героике. Например, противовесом реальному существованию семейных воспоминаний, которые могут содержать в себе «апокрифические» рассказы о войне, служит пропагандистская идея о «советском прошлом как личном прошлом каждого россиянина и его семьи»³³, в свете которой миф о войне предстает как семейный миф. Как мы видели, у Летова именно

³⁰ Если в 1980-е фраза из знаменитой песни «А при коммунизме... / Наверное вобщем не надо будет умирать» («Все идет по плану», 197) звучит иронично, то в 1990-е в многочисленных интервью Летов всерьез заявляет, что коммунизм это «Царствие Божие на земле» (Летов 1997. С. 109).

³¹ Это слово Летов последовательно превращает в концепт, см.: Там же. С. 41.

³² Кукулин 2005. С. 655-657.

³³ Копосов 2011. С. 153.

частно-семейный уклад оказывается средоточием советского милитаризма. С его точки зрения, это верно не только для советского, но и для российского общества XXI века: «В умах, роддомах и домах идет беззвучная война», – сказано в песне 2002 года («Крепчаем», 479). Субкультурная привязка создаваемого мифа также остается актуальной недолгое время (примерно с 1986 по 1989 г.). Поэтому Летов претендует на то, чтобы субъект этого мифа был одновременно персональным и коллективным, индивидуальным и массовым, маргинальным и общенациональным.

Далее, актуализация травматического опыта войны также не является надежной антитезой официальной мифологии. Непосредственное переживание утрат и ужасов военного времени давно является частью «аффективного менеджмента истории»³⁴, практикуемого в рамках (пост)советской политики памяти. У Летова, как было показано, катастрофические мотивы очень частотны, но его лирика в целом никоим образом не встраивается в пресловутую проблематику «цены победы» или меланхолические нарративы скорби³⁵. В его версии военного мифа дезавуируется бравурная риторика победы, а во главу угла ставится подлинно трагическая субстанция войны, нерасторжимо связывая друг с другом – вплоть до отождествления – победу и поражение³⁶.

Итак, Летов – один из тех, кто находит ресурс для сопротивления советскому военному мифу внутри этого мифа. Но, как и всякая мифология, летовская мифопоэтика войны может апроприироваться различными идеологическими дискурсами. Например, приверженцы несоветской риторики часто предъявляют свои права на ту интерпретацию недавней истории, которую дал лидер «Гражданской обороны». Обычно широко востребованными оказываются песни и интервью 1990-х годов, когда Летов активно участвовал в политических проектах. Кроме того, сегодня считается, что провластные политтехнологи последних 10-15 лет научились продуцировать мифоподобные конструкции – симулякры мемориальной мифологии позднего СССР. И некоторые полагают, что эта идеологическая работа может опираться и на летовское наследие. Разумеется, различные варианты восприятия имеют право на существование, и кому-то может казаться, что произведения Летова вполне вписываются в контекст нынешней «волны патриотизма»³⁷.

Здесь не место подробно разбирать летовский «советский национализм» 1990-х и сопоставлять его с нынешним «консервативным поворотом». Однако если попытаться описать его позицию тех лет несколькими

³⁴ Oushakine 2013. P. 269–302.

³⁵ См. дискуссию в «Новом литературном обозрении» (№132 за 2015 год) «Под знаком травмы» по поводу статьи: Вайзер 2014.

³⁶ Корчинский 2014. С. 319-322.

³⁷ Летов. Волна патриотизма...

штрихами, то нужно сказать, что это была не реставрация, а новое изобретение советского мифа о войне, не идеология, а утопия (в смысле К. Манхейма), не консервативный, а радикально модернистский проект. В рамках же нашей темы можно указать на ряд коренных отличий «обязательной войны» Летова от пропагандистской версии мифа, разделяемой сегодня большинством населения и лежащей в основе нового идеологического консенсуса между властью и обществом.

Первое, как уже отмечалось, это наличие эсхатологии, четкий апокалиптический образ будущего: «Будет новый день» («Новый день», 411)³⁸. Современная политика памяти, наоборот, сосредоточена исключительно на актуализации прошлого. Второе: для Летова военный миф важен не столько как «миф основания», сколько как актуальный начинательный и мобилизационный миф с его подрывной силой и тем измерением подлинности, которое противостоит рутинному строю повседневной жизни в обществе потребления. Современная официальная память о войне полностью разрывает с советским первособытием – революцией – и является не столько мифом генезиса, сколько мифом преемственности и воспроизводства воображаемой традиции, озаченным не началом, концом и изменениями³⁹, а поддержанием иллюзии вечной «стабильности» (что соответствует у Летова дурной бесконечности войны, свойственной советскому военному тексту). Третье: летовское неоднозначное отношение к победе в Великой Отечественной войне и своеобразная трагическая политика памяти вряд ли совместимы с ходульной героикой сегодняшних коммемораций. Четвертое: «праздничный» и «чрезвычайный» характер войны у Летова явно противоречит современным образам, вплетенным в повседневность. Календарь памятных дат войны синхронизирован с новостным календарем СМИ, а аффект, формируемый масс-медиа, функционирует по законам шоу и в лучшем случае напоминает воздействие спецэффектов в кино⁴⁰. Пятое: совершенно по-разному артикулируется идея жертвенности. У Летова военная жертва никоим образом не оправдывает насилия и не требует компенсации (поскольку не является нехваткой, а напротив, подразумевает избыток «богатырской» силы)⁴¹. Современный российский милитаризм действует

³⁸ В этом тексте Летова (1994-95) содержится отсылка к той же песне Рождественского – Фрадкина: «На моей земле пахнет горечью» (в оригинале 1970 года – «А степная трава пахнет горечью»). И если в песне «Здорово и вечно» (1989) это «место памяти» понималось как всеобщее небытие («нас нет»), то здесь речь идет о поле боя нового Армагеддона. Налицо развитие одной и той же идеи, в любом случае контрастной по отношению к идеологемам власти.

³⁹ Ямпольский 2015.

⁴⁰ Ушакин 2008. Р. 269-302.

⁴¹ Корчинский 2014. С. 321-322.

исключительно в компенсаторной логике ressentimentа: «жертва советского народа» по сей день питает национальную обиду на весь мир.

Объем статьи не позволяет привести все контраргументы. Думаю, вне зависимости от этого, сказанное выше позволяет сделать следующий вывод: спектр значений военного мифа в его естественной глубинной противоречивости настолько широк, что позволяет ему быть как строительным материалом государственной идеологии, так и ресурсом для производства контрпамяти, влияющей на персональную, групповую и, возможно, общенациональную идентичность.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Вайзер Т. Травматография логоса: язык травмы и деформация языка в постсоветской поэзии // Новое литературное обозрение. 2014. № 125. С. 245-264.
- Габович М. Коллективная память и индивидуальная ответственность. Заметки по поводу статьи Дины Хапаевой // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2006. №6. С. 316-328.
- Гудков Л.Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Давыдов Д. Дадаизм внутри: смыслы Егора Летова // Арион. 2014. №4. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2014/4/16d.html>.
- Копосов Н. Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Корчинский А.В. "Обязательная война" Егора Летова: историческая память, идеология, миф // Русский авангард и война. Сб. науч. трудов. Белград, 2014. С. 304-323.
- Корчинский А.В. Песни Егора Летова: текст и перформанс // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Выпуск 16. Тверь-Екатеринбург, 2016 (в печати).
- Кукулин И. Как использовать шаровую молнию в психоанализе // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 217-221.
- Кукулин И. Регулирование боли (предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х гг.) // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 617-658.
- Летов Е. Волна патриотизма // Гражданская оборона. Официальный сайт. URL: <http://www.gr-oborona.ru/texts/1057859941.html>.
- Летов Е. Следы на снегу // Гражданская оборона. Официальный сайт. URL: <http://www.gr-oborona.ru/texts/1056918678.html>.
- Летов Е. Стихи. М.: Выргород, 2011. 548 с.
- Летов Е. Философская песня о пуле // Гражданская оборона. Официальный сайт. URL: <http://www.gr-oborona.ru/texts/1056964244.html>
- Летов Е. «Я не верю в анархию». М.: Издательский центр, 1997. 213 с.
- Летов Е., Рябинов К. Поганая молодежь // Гражданская оборона. Официальный сайт. URL: <http://www.gr-oborona.ru/texts/1056912669.html>.
- Летов Е., Судаков О. Здорово и вечно // Гражданская оборона. Официальный сайт. URL: <http://www.gr-oborona.ru/texts/1056903637.html>.
- Моисеев А.А. «Милитарные образы» в поэзии Егора Летова (к проблеме интертекста) // Политическая лингвистика. 2005. №15. С. 194-201.

- Ушакин С. Осколки военной памяти: «Все, что осталось от такого ужаса?» // Новое литературное обозрение. 2008. № 93. С. 234-241.
- Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование / пер. с англ. А. Георгиева. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 264 с.
- Хапаева Д. Готическое общество. Сталинское прошлое в российском настоящем // Критическая масса. 2006. №1.
- Юрчак А. Критическая эстетика в период распада империи: «метод Пригова» и «метод Курехина» // Транслит. №12, 2012. С. 86-93.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 38-44.
- Ямпольский М. Коллективная память на тропе победы // Интернет-издание Colta.ru. 8 мая 2015 г. URL: <http://www.colta.ru/articles/specials/7253>.
- Oushakine S.A. Remembering in Public: On the Affective Management of History // Ab Imperio. 2013. No. 1. P. 269–302.
- Tumarkin N. The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of the World War II in Russia. N.Y., 1994.

REFERENCES

- Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya poli-tika. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.
- Vaizer T. Travmatografiya logosa: yazyk travmy i deformatsiya yazyka v postsovet-skoi poezii // Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. № 125. S. 245-264.
- Gabovich M. Kollektivnaya pamyat' i individual'naya otvetstvennost'. Zametki po povodu stat'i Diny Khapaevoi // Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture. 2006. №6. S. 316-328.
- Gudkov L.D. «Pamyat'» o voine i massovaya identichnost' rossiyan // Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005.
- Davydov D. Dadaizm vnutri: smysly Egora Letova // Arion. 2014. №4. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2014/4/16d.html>.
- Koposov N. Pamyat' strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii. M.: Novoe li-teraturnoe obozrenie, 2011.
- Korchinskii A.V. "Obyazatel'naya voina" Egora Letova: istoricheskaya pamyat', ideologiya, mif // Russkii avangard i voina. Sb. nauch. trudov. Belgrad, 2014. S. 304-323.
- Korchinskii A.V. Pesni Egora Letova: tekst i performans // Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst. Vypusk 16. Tver'-Ekaterinburg, 2016 (v pechati).
- Kukulin I. Kak ispol'zovat' sharovuyu molniyu v psikhooanalize // Novoe literaturnoe obozrenie. 2001. № 52. S. 217-221.
- Kukulin I. Regulirovanie boli (predvaritel'nye zametki o transformatsii trav-maticheskogo opyta Velikoi Otechestvennoi / Vtoroi mirovoi voiny v russkoi literature 1940–1970-kh gg.) // Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. S. 617-658.
- Letov E. Volna patriotizma // Grazhdanskaya oborona. Ofitsial'nyi sait. URL: <http://www.gr-oborona.ru/texts/1057859941.html>.
- Letov E. Sledy na snegu // Grazhdanskaya oborona. Ofitsial'nyi sait. URL: <http://www.gr-oborona.ru/texts/1056918678.html>.
- Letov E. Stikhi. M.: Vyrgorod, 2011. 548 s.
- Letov E. Filosofskaya pesnya o pule // Grazhdanskaya oborona. Ofitsial'nyi sait. URL: <http://www.gr-oborona.ru/texts/1056964244.html>
- Letov E. «Ya ne veruyu v anarkhiyu». M.: Izdatel'skii tsentr, 1997. 213 s.
- Letov E., Ryabinov K. Poganaya molodezh' // Grazhdanskaya oborona. Ofitsial'nyi sait. URL: <http://www.gr-oborona.ru/texts/1056912669.html>.

- Letov E., Sudakov O. Zdorovo i vечно // Grazhdanskaya oborona. Ofitsial'nyi sait. URL: <http://www.gr-oborona.ru/texts/1056903637.html>.
- Moiseev A.A. «Military obrazy» v poezii Egora Letova (k probleme interteksta) // Politicheskaya lingvistika. 2005. №15. S. 194-201.
- Ushakin S. Oskolki voennoi pamyati: «Vse, chto ostalos' ot takogo uzhasa?» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. № 93. S. 234-241.
- Flad K. Politicheskii mif. Teoreticheskoe issledovanie / per. s angl. A. Georgieva. M.: Progress-Traditsiya, 2004. 264 s.
- Khapaeva D. Goticheskoe obshchestvo. Stalinskoe proshloe v rossiiskom nastoyashchem // Kriticheskaya massa. 2006. №1.
- Yurchak A. Kriticheskaya estetika v period raspada imperii: «metod Prigova» i «me-tod Kurekhina» // Translit. №12, 2012. S. 86-93.
- Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. S. 38-44.
- Yampol'skii M. Kollektivnaya pamyat' na trope pobedy // Internet-izdanie Colta.ru. 8 maya 2015 g. URL: <http://www.colta.ru/articles/specials/7253>.
- Oushakine S.A. Remembering in Public: On the Affective Management of History // Ab Imperio. 2013. No. 1. P. 269–302.
- Tumarkin N. The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of the World War II in Russia. N.Y., 1994.

Корчинский Анатолий Викторович – доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания Историко-филологического факультета РГГУ; korchinsky@mail.ru

Dialectics of a war myth: Yegor Letov and (post)Soviet politics of memory

The article is dedicated to the role of myth in the structure of national memory about the Great Patriotic war, and to the constructive potential of the memories of the past for self-reflection and self-identification of succeeding generations. The study is focused on the project by Egor Letov (1964–2008) – a Russian poet, rock-musician and an artist, whose texts still influence Russian art and thought. It is shown that poetic work with the cliché of collective historical memory (of the war) can help deconstruct a political mythology, while remaining in the context of a national war myth. The characteristics of the (post) Soviet politics of memory are defend, as compared to mythopoetic practices of dealing with the past, like one by Letov.

Keywords: Great Patriotic war, collective memory, political myth, ideology, national identity, tragic politics of memory.

Korchinsky Anatoly, Assistant Professor, Department of Theory and History of the Humanities (Russian State University for the Humanities); korchinsky@mail.ru